

Линь Тунси повезло вырасти в счастливой семье. Он был из тех детей, которых буквально купают в любви. Достойный достаток, любящие друг друга родители, доброжелательные родственники и старший брат, который с самого детства души в нём не чаял, — до восемнадцати лет, пока не пришло время поступать в университет, Тунси оставался самым счастливым ребёнком на свете.

Когда он начал задумываться о будущем и искать своё призвание, отец прямо сказал: помимо семейного бизнеса он волен заниматься чем угодно. Главное — научиться управлять делами компании и следить за долей наследства, которая ему отойдёт, а в остальном — полная свобода.

Окрылённый поддержкой близких и уверенный, что сможет успешно совмещать обе обязанности, Линь Тунси поступил на актёрский факультет и выбрал путь артиста.

Начались съёмки, и видаться с родными он стал гораздо реже. Праздники всё чаще проходили на площадке, времени на семейные посиделки катастрофически не хватало, порой даже на Новый год не удавалось вырваться домой.

Вот и в этом году на Чуныцзе ему, скорее всего, придётся остаться с группой: съёмки, бесконечные промо-акции, забитый под завязку график... О поездке к родителям оставалось только мечтать.

Люди, выросшие в тепле и гармонии, всегда глубоко тоскуют по домашнему уюту. И подсознательно ищут его подобие повсюду.

Линь Тунси отличался железной самодисциплиной и, кроме того, был человеком консервативным. Если его устраивали сложившиеся отношения, он никогда не стремился что-то менять — если только дело не касалось его принципов. Это было прямым продолжением его природной осторожности.

Лэ Бэй, Лэ Жань и сестра Чжун работали с ним уже много лет и давно стали для него кем-то вроде названной семьи.

Что же касается года с лишним, проведённого с Цинь Нанем... Хотя их связь и носила сугубо плотский характер, волчонок умел вести быт. За годы самостоятельной жизни он привык заботиться о себе, а когда рядом появился Тунси, окружил комфортом и его.

То, что они не связывали себя чувствами, а лишь удовлетворяли страсть, избавляло их от лишних условностей. Хотя они жили вместе не так уж часто, те полтора года их союз оставался на удивление прочным и спокойным.

Позже контракт подошёл к концу. Линь Тунси съехал, начались бесконечные отели, съёмные апартаменты, изнурительные смены и светские мероприятия. Но если честно, в редкие минуты тишины он ловил себя на воспоминаниях о тех днях, проведённых под одной крышей.

И теперь, глядя на до боли знакомый интерьер и вещи, которыми когда-то пользовался сам, Тунси почувствовал, как на него неостановимой волной накатило прошлое.

Лэ Бэй бесшумным шагом вошёл в прихожую и, стараясь не тревожить замершего у порога Линь Тунси, тихонько проскользнул на кухню, чтобы помочь с ужином.

Тунси постоял немного в нерешительности, затем достал из обувницы пару новеньких, ещё не распакованных тапочек, проигнорировав те, что Цинь Нань так заботливо приготовил для него.

В квартире было на удивление тепло. Тунси снял тяжёлый пуховик, повесил его на вешалку и неторопливо прошёл в гостиную, опустившись на просторный плюшевый диван.

Эту модель он когда-то приметил сам и попросил Лэ Бэя купить. Ему всегда нравилась подобная мебель — зимой на ней было невероятно уютно и сидеть, и дремать.

Впрочем, этот диван был совершенно новым — явно не из их прежней виллы Хуаньшань.

В конце концов, в той вилле Хуаньшань они частенько предавались страсти прямо в гостиной, из-за чего старый диван заметно пообтрепался. Этот же сиял первозданной чистотой.

Тунси никогда не отличался крепкой головой, а сегодня ради роли пригубил спиртного. Глубокая ночь и колоссальное эмоциональное напряжение на съёмках окончательно лишили его сил. Стоило ему погрузиться в мягкие подушки, как веки налились свинцом. Знакомая обстановка дарила обманчивое чувство безопасности, и вскоре он крепко заснул.

Проснулся Линь Тунси от острого чувства голода.

Разлепив глаза, он обнаружил, что заботливо укрыт тёплым мягким одеялом, а по комнатам плывёт умопомрачительный аромат свежеприготовленной еды.

Тунси сел, потягиваясь, и тут же заметил вынырнувшего из-за угла Цинь Наня.

— Проснулся? — мягко улыбнулся тот. — Вот и отлично. Давай за стол, поешь сначала, а потом уже ляжешь спать.

Оказывается, хозяин дома заходил проверить гостя и, увидев, что тот спит без задних ног, пожалел будить и лишь накинул плед.

— Видно было, что ты вымотался до предела, — продолжил Цинь Нань. — Я решил не тревожить тебя лишний раз. Но если бы ты не проснулся до половины десятого, всё же разбудил бы. Поздний ужин вреден для желудка.

Тунси прошёл следом за ним в столовую и, заметив на столе лишь два прибора, вопросительно выгнул бровь.

Наливая в пиалу ароматную кашу, Цинь Нань пояснил с мягкой улыбкой:

— Ребята уже поели, я отправил их отдыхать. А тебе приготовил всё отдельно. Ночью не стоит нагружать желудок тяжёлой пищей, поэтому я сварил лёгкую рисовую кашу с мясным фаршем и лапшу с нежными креветочными шариками. Угощайся.

Тунси опустился на стул. Перед ним тут же оказалась пиала с кашей и исходящая паром глубокая тарелка яичной лапши с креветками.

От ароматов у Тунси невольно потекли слюнки — голод давал о себе знать.

Горячая каша, нежный вкус креветок... С каждым проглоченным кусочком он чувствовал, как по телу разливается благодатное тепло и возвращаются силы.

Цинь Нань есть не стал. Он просто сидел напротив, подперев подбородок рукой, и не сводил с гостя заворожённого взгляда.

Тунси покосился на него, припомнив их недавний разговор в машине. Сделав ещё пару глотков, он спросил:

— Так вот какая у тебя «праздничная вечеринка»?

В глазах волчонка светилось безграничное удовлетворение.

— Главное, что ты здесь, — тихо ответил он. — То, что ты пришёл и не сбежал сразу же, — для меня уже лучший праздник.

Похоже, собственная откровенность смутила Цинь Наня. Опасаясь, что Тунси сочтёт его слова навязчивыми, он поспешно откупорил бутылку красного вина и налил себе бокал, даже не предлагая гостю:

— Тебе завтра на съёмки, так что обойдёмся без алкоголя. А я пригублю немного. За наш праздник.

Опасаясь переест на ночь, Тунси ограничился небольшой пиалой каши, но перед лапшой с креветочными шариками устоять не смог и опустошил тарелку дочиста.

Сыто улыбнувшись, он признался:

— В сегодняшней сцене наследный принц Хэюэ выпивает, прежде чем бросить вызов придворным. Чтобы глубже прочувствовать его состояние, я тоже немного пригубил. У него ведь дикий, необузданный нрав, и алкоголь он предпочитал крепкий. Я выпил совсем чуть-чуть, но градус оказался приличным. До сих пор хмель полностью не выветрился.

Сон и плотный ужин помогли разогнать туман в голове, но в мыслях всё ещё сохранялась приятная лень — реакция слегка замедлилась, хотя рассудок оставался кристально чистым.

Тунси всегда быстро пьянел, но алкоголь его красил. Пока у обычных людей лица покрывались нездоровым багровым румянцем, кожа Тунси наливалась нежным, едва заметным розовым оттенком, словно осыпавшиеся лепестки персика. Глаза его влажно блестели, лишая всякой воли каждого, кто осмеливался в них заглянуть.

По-хорошему, Цинь Наню следовало бы убрать со стола пустую посуду, но он не мог заставить себя пошевелиться. Ему отчаянно не хотелось отводить взгляд от этого невероятно притягательного мужчины. Горло пересохло; кадык волчонка судорожно дёрнулся, и он сделал глубокий глоток вина, безуспешно пытаясь залить разгорающийся внутри пожар.

Прихватив бокал, он пересел поближе к Тунси. Бутылка была опустошена уже больше чем наполовину, и во взгляде Цинь Наня, затуманенном алкоголем, плескалось откровенное, неистовое обожание.

— Брат, я помню ту ночь, — негромко заговорил он, подаваясь вперёд. — Тогда я напился первым. На душе было паршиво, я пошёл в бар, а когда захмелел, понял, что мне совершенно некуда идти. У тебя как раз был день рождения. Ты тоже немного выпил, но оставался трезвым. Когда ты вернулся, я вцепился в тебя и нёс какую-то чушь, а ты... ты просто сидел и успокаивал меня.

Цинь Нань медленно приблизил лицо к Тунси, заглядывая в его глаза — чистые, как горное озеро, в которых отражался его собственный крошечный силуэт.

Тунси был ошеломляюще красив. И этот взгляд... Сколько людей в этом фальшивом мире способны сохранить такую чистоту и искренность в глазах?

Их лица разделяло ничтожно малое расстояние — едва ли с полпальца. Цинь Наню хотелось вечно смотреть на этого человека, проникая в самые потаённые уголки его души.

Опустив взгляд на влажные губы Тунси, он прошептал:

— В ту ночь я первым поцеловал тебя. Сначала в губы, потом коснулся губами уха...

Он сделал крошечную паузу, ловя чужое дыхание.

— А потом ты ответил мне.

Этот хриплый, интимный шёпот мгновенно пробудил в памяти Линь Тунси воспоминания о той безумной ночи, положившей начало их контракту.

Волчонок был слишком близко. Его жаркое дыхание окутывало со всех сторон, лишая воли. Тунси попытался отклониться назад, но упёрся спиной в жёсткую спинку стула. Деваться было некуда, оставалось лишь выдерживать этот обжигающий взгляд.

Против воли мысли Тунси унеслись дальше, воскрешая в памяти другие их ночи.

— Брат, у тебя дыхание сбилось, — тихо выдохнул Цинь Нань, коснувшись его щеки. — И сердце стучит как сумасшедшее.

«Значит, тебе не всё равно, верно?»

«Если я тебе нравлюсь, зачем упрямиться?»

Голос Цинь Наня звучал вкрадчиво, обволакивающе, а кончики его пальцев невесомо очертили контур губ Тунси.

Тунси сжал зубы. Закрыв глаза, он сделал глубокий вдох, заставляя себя подавить вспыхнувшее волнение, а когда снова разомкнул веки, взгляд его был твёрд. Он решительно упёрся ладонью в грудь Цинь Наня, отодвигая его от себя, а затем резко отъехал на своём стуле подальше.

— У меня нет ни малейшего желания возобновлять наши отношения, — отрезал Тунси. — Ни для тела, ни для души. Мне это не нужно.

На самом деле Цинь Нань не пытался удерживать его силой. Несмотря на всю свою хищную повадку, он легко поддался толчку и отступил.

Опустив глаза, волчонок тихо спросил:

— А как же будущее? Неужели ты планируешь всю жизнь прожить в одиночестве, никого не подпуская к сердцу?

«Брат, это же противостоит природе. Так нельзя».

Тунси иронично изогнул бровь:

— Я прекрасно справляюсь своими силами. Что в этом плохого?

Вдыхая терпкий аромат разлитого в воздухе вина, он прямо посмотрел на преданно заглядывающего ему в рот собеседника и добавил:

— Я не собираюсь принимать ничьи признания и связывать себя какими-либо обязательствами. Будь у меня хоть восемнадцать ухажёров, хоть двадцать восемь, хоть тридцать восемь — мне всё равно.

Цинь Нань озадаченно моргнул и выдал с обезоруживающей прямоотой:

— Но разве самому справляться приятнее, чем со мной? Брат, ты же у нас хищник. Или я где-то просчитался и ты внезапно решил заделаться вегетарианцем?

Тунси устало потёр переносицу — от этой нелепой беседы у него начинала раскалываться голова. Волчонок нагло валял дурака, намеренно уводя разговор в сторону и изводя его своими глупостями.

Линь Тунси решительно поднялся из-за стола:

— Хватит. Спасибо за ужин. Я возвращаюсь в отель.

Мысленно он уже ругал себя за излишнюю мягкость в последние дни. Стоило хоть немного ослабить хватку, как этот наглец тут же сел ему на шею. Впредь нужно быть гораздо строже.

<http://bllate.org/book/20602/2146004>